

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

n.drannikova@narfu.ru

«НАС ВЕЗЛИ ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ В ТЕЛЯЧЬИХ ВАГОНАХ»: ВОСПОМИНАНИЯ ПОТОМКОВ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ АРХАНГЕЛОГОРОДЦЕВ*

Статья выполнена на материале устных воспоминаний потомков спецпереселенцев – раскулаченных крестьян, высланных в начале 1930-х годов в Архангельскую область, входившую ранее в состав Северного края. Делается историографический обзор по теме исследования, рассматриваются концепции раскулачивания в СССР и судеб раскулаченных крестьян в региональном контексте. Анализируемые рассказы потомков спецпереселенцев представляют собой полуструктурированное интервью, являющееся типом индивидуального глубинного интервью, в процессе которого мы стремились обсудить с респондентами конкретный список тем и аспектов, касающихся раскулачивания их семьи, высылки и жизни в ссылке. Эти рассказы образуют гипертекст. Гипертекст включает в себя систему разножанровых вербальных текстов. Нами выделяются устойчивые мотивы устных рассказов, записанных от потомков спецпереселенцев. Рассматриваются особенности семейной идентичности и роль в ней знания о судьбе своих родственников. Дети и внуки спецпереселенцев по-разному относятся к раскулачиванию семьи своих предков. Это объясняется разнообразием вариантов поведения, вариантов выбора и конкретных обстоятельств жизни. Интерпретация основывается на идее вариативности процесса спецпереселений и его зависимости от регионального контекста, на методе семейной истории.

Ключевые слова: спецпереселенцы, потомки, повествовательная традиция, Архангельская область, историография, обзор, устные рассказы, анализ, мотивы

Цель статьи – рассмотреть особенности архангельской повествовательной традиции о спецпереселенцах¹, местом высылки которых явился Северный край (с 1937 года – Архангельская область). Северный край был образован постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 года. В его состав входили Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и Коми автономная область. Центром края стал Архангельск [10].

Существование устойчивых мотивов, вариативность, клишированность этих текстов позволяют рассматривать их в русле методологии современного фольклора [14]. В результате принятого исследования делается вывод о том, какое место занимают эти рассказы в фольклорно-речевой практике жителей современной Архангельской области и их идентичности.

Для сбора материала использовались традиционные методы собирательской работы: беседа, семейно-биографическое интервью, опрос, а также метод включенного наблюдения. С этой целью проводились глубинные интервью с представителями второго и третьего поколений, то есть детьми и внуками спецпереселенцев. Они были главными источниками собираемых сведений.

За время исследования было опрошено 50 местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет, проживающих в городах Архангельск, Северодвинск, Плесецком, Приморском и Холмогорском районах Архангельской области. Они являются детьми и внуками крестьян, высланных в Северный край из Саратовской области (в Пинежский и Холмогорский районы), Белоруссии (пос. Луков Ручей, Широкий Дол, Лака, Кокорная Пинежского района (с 1945 года – Мезенский), Верхнетоемский район), Астраханской области (Холмогорский район), Луганской области Украины (Холмогорский район), Донецкой области Украины (рабочий микрорайон Маймакса г. Архангельска), Сумской области Украины (Няндомский район), с Кубани и Кавказа (Ленский район), Приднестровья (Коношский район), Крыма (Летний берег Белого моря, Приморский район), Западной Украины (Верхнетоемский район), Владимирской области (Плесецкий район), Харьковской области Украины (Коношский район), Кировоградской области Украины (Приморский район) и мн. др.

Собранные материалы находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета (далее – ФА САФУ), фонд 37.

Одним из первых сторонников новой концепции проблемы раскулачивания в СССР и судеб раскулаченных семей является доктор исторических наук, профессор Мурманского государственного педагогического университета В. Я. Шашков. В его работах впервые в историографии процесс раскулачивания в СССР рассматривается комплексно, во всей совокупности политического, социально-экономического, правового и философско-культурологического аспектов: от разорения крестьянских хозяйств до депортации раскулаченных семей в отдаленные регионы страны, создания ГУЛАГовской системы спецпоселений, использования труда спецпереселенцев, их социального, медицинского, культурного обслуживания, участия «бывших кулаков» в Великой Отечественной войне, восстановления их в гражданских правах до ликвидации в 1954 году системы спецпоселений в СССР [33], [34], [35], [36], [37].

Большой вклад в изучение истории спецпоселений в Северном крае внес Н. В. Упадышев [21], [22], [23], [24], [25], [26], [27], [28]. Он впервые осуществил теоретико-методологическое исследование региональной составляющей ГУЛАГа в контексте истории страны и региона. На основе анализа комплекса причин и факторов, обусловивших зарождение советской системы исправительно-трудовых лагерей, он определил место и роль Европейского Севера России в этом процессе. В диссертации Н. В. Упадышева дается трактовка используемого в научной литературе понятийного аппарата (ГУЛАГ, исправительно-трудовой лагерь, спецпоселение, спецколонизация, спецконтингент, «кулацкая ссылка» и др.). Используя в качестве базового понятие «ГУЛАГ», автор определяет его в двух основных значениях. В узком смысле Главное управление лагерей трактуется как одно из ведомств советской карательно-репрессивной системы, осуществлявшее руководство деятельностью входивших в его состав структурных подразделений (исправительно-трудовые лагеря и колонии, спецпоселения и др.). В широком значении ГУЛАГ представляется как социальный институт («государство в государстве»). Н. В. Упадышев раскрывает причины образования и функционирования системы спецпоселений [23].

Анализ демографической ситуации в Северном крае первой трети XX века предпринял в своей монографии В. И. Коротаев. Это первое специальное исследование, посвященное демографическим последствиям применения труда спецпереселенцев и заключенных в регионе [8].

Е. В. Хатанзейская на основе неопубликованных архивных документов проанализировала процесс спецколонизации Северного края, осуществляемый за счет применения труда нескольких категорий спецконтингента (заключенных, административно-высланных и спецпереселен-

цев). Исторический анализ процесса спецколонизации произведен ею сквозь призму истории краевого центра – г. Архангельска. Промышленность города и его портовая инфраструктура были ориентированы в основном на формирование золотовалютного резерва страны для проведения индустриализации. Исследовательница приходит к выводу, что из-за хронического дефицита кадров, материальных и трудовых ресурсов быстрое увеличение темпов промышленного производства, колонизация удаленных районов страны и индустриализация представлялись невозможными без экстренных мер контрактации рабочей силы, в частности использования труда значительных партий спецконтингента. В 1929 году начинается процесс коллективизации, сопровождающийся высылкой на Север первых партий спецпереселенцев, ставших основной рабочей силой в лесопильной промышленности края и, наряду с другими категориями спецконтингента (в особенности ссыльными специалистами), создавших условия для увеличения промышленного производства и индустриализации СССР [31].

Н. М. Игнатова в своих работах рассматривает причины масштабного использования принудительного труда и численность занятых на лесозаготовительных предприятиях Северного края в 1930-е годы (Республика Коми, Архангельская и Вологодская области), а также условия труда спецпереселенцев – «бывших кулаков». В Северном крае спецпереселенцы использовались для ускоренного развития лесозаготовительной отрасли. Она делает вывод, что труд спецпереселенцев был результативен, так как привел к резкому росту лесозаготовок, но не был эффективен с точки зрения индивидуальной производительности труда и вложенных затрат по причине тяжелых условий труда и быта и высокой смертности. Также Н. М. Игнатова освещает организацию культурно-просветительской и идеологической работы в спецпоселках Республики Коми в 1930-е годы, куда были высланы в административном порядке на спецпоселение «бывшие кулаки» из районов сплошной коллективизации. Она приходит к выводу о том, что главной целью перевоспитания спецпереселенцев в «активных строителей социалистического общества» были повышение производительности труда и закрепление спецпереселенцев на лесозаготовительных работах в спецпоселках [6], [7].

Локальными исследованиями процессов спецпереселения на Кольском полуострове занимаются И. А. Разумова и О. В. Змеева [5], [18]. В работах И. А. Разумовой, в отличие от большинства исторических исследований, семья спецпереселенцев рассматривается не в качестве жертвы российской модернизации, а в роли социального актора и субъекта принятия решений [5].

В зарубежной науке есть исследования, посвященные воспоминаниям раскулаченных крестьян (Виола Линн, Ольга Литвиненко, Джеймс Риордан, Шейла Фицпатрик и др. [38], [39], [40], [41], [42], [43], [44]). Зарубежные исследователи пишут о раскулаченных как жертвах советского режима, о том, что они после перестройки «сохранили маски» и заговорили о своих судьбах, сохранили свою идентичность и проявили себя как школа выживших.

Виола Линн называет репрессирование крестьян, происходившее в начале 1930-х годов, «одним из самых отвратительных действий Сталина», которое заложило основы ГУЛАГа. Ее книга «Неизвестный ГУЛАГ» – первое издание на английском языке, в котором исследуется история раскулачивания и депортации крестьян для принудительной работы на различных объектах социализма. Исследователь пишет о повседневной жизни спецпереселенцев и рассказывает истории крестьянских семей [40].

Политическим решением, определившим переход к политике форсированной коллективизации и раскулачивания, стало принятое 5 января 1930 года постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [19]. Конкретизацию политика раскулачивания получила в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [16: 70–76]. Начиная с зимы 1929/30 года имущество крестьянских хозяйств, признанных «кулацкими», последовательно экспроприировалось, а несколько миллионов кулаков подверглись административной высылке. Крестьяне-кулаки были разделены на три категории в соответствии со степенью опасности, которую они предположительно представляли для советской власти. Членов первой группы, «контрреволюционный кулацкий актив», сочли неисправимыми, закоренелыми врагами советской системы; тысячи из них были казнены. Кулаки второй и третьей категорий считались менее политически активными и, стало быть, менее опасными; их выслали в более или менее отдаленные места в зависимости от степени выраженности у них антисоветских настроений [16: 70–76]. Составной частью этой масштабной в геополитическом пространстве бывшего СССР проблемы стал Северный край и те процессы, которые происходили в нем в период «кулацкой» ссылки. В 1930 году Северный край был самым крупным регионом спецпоселений раскулаченных семей. Строительство спецпоселков для высланных «кулаков» намечалось в безлюдных лесных массивах края, так как основная масса спецпереселенцев должна была быть постоянной рабочей силой в лесной промышленности. В Северный край спецпереселенцы стали прибывать с 25 февраля 1930 года

эшелонами по 1500–1800 человек по двум основным магистралям края: Вологда – Архангельск, Вятка – Котлас [11].

В результате операции по раскулачиванию в Северный край было сослано более 300 000 человек [36: 122]. В самом Архангельске в начале 1930-х годов резко увеличилось количество спецпереселенцев. К началу 1932 года спецпереселенцы, административно-высланные и другие «чуждые элементы» трудились на заводах, стройках Архангельска и его окрестностей [8: 38]. Это привело к более сильному противопоставлению центра города и его окраин в сознании горожан и маргинализации пригородов. Только за 1930–1931 годы население Архангельска удвоилось [9: 143].

Все более ужесточившаяся аграрная политика государства вынуждала крестьян отрываться от земли и искать работу на стороне. Они все больше превращались в скитальцев и временщиков. Это качество временщика резко обострилось в годы предвоенных пятилеток. Процессы, происходящие в стране, в большой степени оказали влияние на культурный облик Архангельска. Наряду со спецпереселенцами в Архангельск хлынули массы «индустриальных новобранцев» и невольников ГУЛАГа.

В докладной записке «О размещении и устройстве кулацких хозяйств в Северном крае» (1930) говорится о плане правительства, в соответствии с которым предполагалось к 15 апреля 1930 года ввести в Северный край 45 000 семей, а к осени довести их число до 75 000 [8: 36]. В процессе реализации плана было решено значительную часть раскулаченных направить в восточную малонаселенную часть Северного края. По официальным данным, в 1930–1931 годах в Северный край было выслано 285 609 спецпереселенцев. В. Я. Шашков в результате проверки уточнил их количество и определил действительную, как ему представлялось, численность – 300 922 человека [36: 122].

11 апреля 1931 года крайком партии решил добавить своих «кулаков» (около 3000 семей – 12000–15000 человек) к ввозимым извне и отправить их на Пинегу и Мезень, Печору и в Коми АО. В тот же день принято специальное постановление «О заселении Печоры» [8: 36].

Внуки старожилов г. Архангельска вспоминают:

Я с детства помню рассказы моей бабушки о том, что в конце 20-х, начале 30-х годов на улицах Архангельска лежали трупы, которые долго никто не убирал. Это были умершие от голода «раскулаченные», которые семьями были высланы в Архангельск, не имели никаких средств для жизни, целыми семьями просили подаяние, а им отказывали оттого, что самим было нечего есть, а чаще – от жестокости (М., 44).

Высылка такого количества людей привела к демографической катастрофе на территории современной Архангельской области. Степень

готовности местных властей к приему спецпоселенцев была равна нулю [3: 396–397].

Воспоминания потомков записаны в виде семейно-биографического интервью, которое в нашем случае было фокусированным или нарративным. В статье мы опираемся на классификацию речевых жанров, предложенную М. М. Бахтиным [1]. Устный рассказ он относит к первичным речевым жанрам. По мнению ученого, он возникает во время диалога. К. В. Чистов подчеркивал трудности выделения устного рассказа из обыденной речи [32]. Наряду с термином «устный рассказ», нами в статье используется термин «семейно-биографический хроникат» – это устный рассказ, или бессюжетная краткая информация, отличающаяся «фрагментарностью и ослабленной внутритекстовой когезией» [17]. Термин относится к рассказам, в которых повествуется об истории семьи за длительный период времени. Семейные тексты существуют в следующих видах: представительские, репрезентирующие, внутренние.

Как показало наше исследование, внуки плохо знают историю своих дедов. В их памяти сохранились обрывочные сведения о биографии своих предков. История семьи лучше известна детям спецпереселенцев, которые сами жили в спецпоселках. Выделим основные мотивы этих рассказов. Первый из них – это **раскулачивание семьи**. Он сохранился плохо. Как мы полагаем, это связано с социальной стигматизацией, которая возникала, когда семью причисляли к группе «кулаков», и желанием оградить детей и внуков от этого знания. Приведем примеры:

Деда я понимаю почему (раскулачили. – Н. Д.) – у них наделы, даже мельница была. Наемный труд. А маму почему, не знаю, как Рая мне рассказывает, кто-то донес на них. У меня единственная сестра есть, так она их, говорит, в одночасье. А вот брата его не тронули или он их продал. Маме моей лет пять было, с матеихой уже выслали вдвоем. А отец, дед-то мой, его в Вологде высадили где-то, он пропал, сгинул² (М., 1942 г. р.).

Нет, они высланные – подкулачники, не кулаки, а подкулачники. Пожалели соседа, ну, стали заступаться за соседа, который, ну, это мама рассказывала, у которого, значит, и хозяйство было хорошее, четыре сына, ну, естественно, четыре мужика – это четыре мужика. Вот крепкий хозяин. Ну, в то время – раскулачить. Ну, вот мамин отец стал заступаться. «А-а, заступаешься? В те же сани, пошли на север!» (М., 1944 г. р.)

Приведенные тексты являются неполными и фрагментарными и относятся к внутренним текстам семьи, которые были воспроизведены в ответ на наш вопрос.

Лучше сохраняется **мотив переезда / высылки семей спецпереселенцев в Северный край – в вагонах для скота, в товарных вагонах**

Высылали – всех не спрашивали, сами-то, считай, голые были, да все отобрали, голых отправили, прям, нас (Ж., 1925 г. р.).

Их везли целый месяц в телячьих вагонах (Ж., 1962 г. р.).

Раскулачили ничем неповинную семью в 1937–1938 году. В ночь ни с того, ни с сего приехали люди, приказали запрягать лошадей и покидать дом. Транспортировали в скотовозах в поселок Верхний Чов в Сыктывкаре. После того, как довели до железной дороги, посадили в скотовозы, через реку на плоту доплыли до поселка. Молодых посадили на плоты, а старики тянули его (Ж., 1941 г. р.);

– в трюмах барж

– До Архангельска раскулаченных везли эшелонами. Затем погрузили на баржу и доставили в Усть-Пинегу, ехали в сыром трюме вместе с крысами [15: 127];

– **переезд из пересыльного или фильтрационного пункта (Архангельска, Вологды, Котласа, Емцы) до места назначения**

Первоначально приехавших разместили в фильтрационном пункте – поселке Емца Плесецкого района, в наскоро построенных бараках-шалашах (Ж., 1939 г. р.);

– **высадка на место будущего места проживания: в снег / в чистое поле / дикий лес и др.**

Вот, и, значит, там они высадили их на болоте, их возили по области, тут они были и на острове Жижгин, и на Сийских озерах останавливались, большую толпу, не только там их возили тысячами, на барже там до Котласа везли, очень много значит. А в итоге вот остановились на болоте, чистое, ну, лес, в лесу. И вот высадили их там – живите, как хотите, да. Они там сначала землянки вырыли, чтоб как-то укрываться от непогоды с настилом. А потом начали заготавливать лес, лес там кругом лес, и строили бараки, не дома даже, а бараки. (М., 1939 г. р.)

...Их же раскулаченных вот выселят на берег, пустой берег, вот живите здесь... (Ж., 1936 г. р.);

– голод

Но очень удивительно, здесь даже есть то, что в наших местах поселения люди хоть и бедно жили, впроголодь и без жилья вначале все, но все нормально. А здесь даже места есть, где люди людей ели – это в Яренске или еще где-то (М., 1939 г. р.).

Сестра мамина тоже умерла по дороге. Жрать-то нечего было. Ну, я уж так попросту говорю: «Не есть, а жрать». Так оно и было, че там говорить (М., 1944 г. р.);

– **полное отсутствие условий для жизни**

Условия-то были нечеловеческие – в землянках жить в морозы это. Под дождем, сушить негде было это все, так что отношение, конечно, было, понятно какое. И так было вот до каких пор? До войны, до войны было, очень там худо жили (М., 1949 г. р.).

Привезли туда в такой длинный-длинный барак. В этих бараках там столько нас много, и одна железная плита была. Двухъярусные были эти, как ее, кровати. И вот там грелись мы все, считай, чуть полуголые (Ж., 1925 г. р.).

Все пережили – не дай Бог никому столько пережить! Мне вот было пять лет – я и то все помню. Как мы ехали, как нас послали туда, как мы жили. Мама на нас ляжет – дует-дует на нас, чтоб мы не озябли-то. Попробуй-ка: одна печка железная, а целый барак нас народу (Ж., 1925 г. р.).

Некоторое время после смерти матери жили в приемнике при тюрьме. Большое одноэтажное здание, потолок был подкреплен стойками. Соседи, люди, участвующие

в войне, так же жили в бараках. Люди воевали, возвращались, и их снова посылали в тюрьму (Ж., 1943 г. р.);

– обустройство места для жизни

Ой, бабушка говорит, сначала старики все были хваткие. Ну, все же работы, ну, в смысле трудились много они. Сначала в шалашах жили, а потом, говорит, срубили какой-то барак не барак. Но, по крайней мере, по-черному даже, дак, говорит, топили. А потом уже глины полно там было, кирпичные, а потом бараки начали строить (М., 1941 г. р.);

– эпидемии, болезни, высокая смертность

А смертность была страшная. У нас до сих кладбище сохранилось. Детей умерло маленьких там, год рождения указан, так в каком году родился, в том и умер или через год. И взрослые тоже умирали много (М., 1949 г. р.).

Марусенька там умерла у нас одна. Так похоронили ее туда в тину. Завернули ее вот так в тину, даже гробов не давали делать (Ж., 1925 г. р.).

Пока по оврагам хоронили людей, от голода и бесилия умирал другой. Где умер, там и закопали. Могилы безымянные, лежит на земле камень, значит, здесь человек похоронен (М., 1941 г. р.);

– тяжелый труд

Вся жизнь – это тяжелейший труд, хлопоты, заботы, адский ручной труд на гипсовом карьере, в лесу (М., 1939 г. р.).

Там выживать надо было, выживать, в первую очередь выживать (М., 1949 г. р.).

Ой, сколько испытали, батюшки! Вот так и жили. И приехали сюда тоже в бараках жили. Папа работал, тут вон все кругом лес был. Это все вот наши реабилитированные (репрессированные. – Н. Д.) пилили. Раньше-то ведь пилили этой ведь, пилой, вот так по снегу ходили. Надо план выполнить было. Наши-то родители испытали тоже много кое-что. Грузили тогда веревками, шпалы-то носили на себе (Ж., 1925 г. р.);

Мама с четырнадцати лет работала в лесу, на вывозке леса. Бабушка тоже была на вырубке леса, то есть оставила там все свое здоровье (Ж., 1962 г. р.);

– нормативно-правовые ограничения (на выезд из поселка и др.)

О, даже в район надо, например, съездить, вот обязательно у коменданта надо брать эту, бумажку или справку. Без разрешения это считалось, это вообще... Даже в сельсовет вот Быстрокурье через реку нельзя, ну, до Усть-Пинеги (6 километров. – Н. Д.) тут свободное было перемещение. Бабушка говорит, не было этих ограничений (М., 1941 г. р.);

– бегство с места высылки или работы

Отец, когда сбежали они, как бабушка рассказывала, где-то за Березником³ работали, то на бревнах приплыли по Двине домой, уже морозы начинались... <...> ...у них было уже по три бревна связано заранее там где-то. ...А на вторую ночь напарник у него где-то отплыл, говорит, в какой деревне, бабушка и деревню не помнит, но ему раньше надо было – тоже посланный был. А наш-то отцепился от плота, раньше приплыл. А там еще надо Пинегу, надо было пройти как-то через Пинегу. Холода уже начались. Дак он, говорит, так это <неразборчиво> бабушка говорит, пришел когда домой, то как кол на нем вся одежда было. Дак вот от Усть-Пинеги до нас еще дорога 6 километров⁴ (М., 1941 г. р.).

Рассказы потомков спецпереселенцев представляют собой полуструктурированное интервью, являющееся типом индивидуального глубинного интервью, в процессе которого мы стремились обсудить с респондентами конкретный список тем и аспектов, касающихся раскулачивания их семьи, высылки и жизни в ссылке. Эти рассказы образуют гипертекст. Гипертекст включает в себя систему разножанровых вербальных текстов. Это «некое информационное пространство, позволяющее разрушить формальную обособленность отдельного конкретного текста, в него помещенного, за счет создания системы связей, служащих объединению этих отдельных текстов в сверткостекстовые единства» [4: 106–107]. Все эти тексты были внутренними текстами семьи до начала реабилитации, которая началась в 1989 году, в некоторых семьях они продолжают оставаться внутренними до сих пор, в части других – стали репрезентирующими. Это объясняется местом проживания, образования и тем, как осмыслена память о репрессиях местным сообществом.

Архангельские спецпереселенцы работали преимущественно на предприятиях лесной промышленности, в том числе на лесозаводах г. Архангельска, рубщиками леса в Пинежском и Приморском районах [13], Холмогорском, Верхнетоемском, Ленском районах, сплаве леса, занимались производством кирпича, бондарным, шорным, столярным производством, кузнечным делом, промыслом рыбы, делали скипидар, сельским хозяйством, заготовкой водорослей в пос. Кислуха и Сосновка (на Летнем берегу Белого моря). В спецпоселках в качестве альтернативы колхозам создавались неуставные сельскохозяйственные артели. Спецпереселенцы умели трудиться. О том, каких результатов они добились за несколько лет тяжелого труда, можно говорить на примере пос. Ледня Ленского района. Здесь уже к середине 1930-х годов они сеяли зерновые, сажали капусту, первыми в районе начали выращивать огурцы и помидоры, семена для этих культур переселенцам присылали по почте их родственники. Для этого были построены парники. После снятия урожая все выращенные овощи полностью увозили в районный центр, не оставя ничего самим спецпереселенцам [20].

В спецпоселках была поселковая комендатура: комендант и милиционер. Чтобы отлучиться, надо было просить разрешение у коменданта. Детей спецпереселенцев не принимали в октябрята и пионеры, но в 1933 году начинается восстановление детей в избирательных правах с момента достижения ими совершеннолетия⁵. Это делалось для того, чтобы оторвать детей от родителей. До 1935 года спецпереселенцы были лишены избирательных прав. Они не имели права вступать в профсоюз. Ограниченно их призывали в Красную армию. Запрещались

отлучки спецпереселенцев из спецпоселков и мест работы, их переписка с родственниками [2]. Все письма читались комендантом. Много спецпоселков находилось на Летнем берегу Белого моря. По словам потомков, поселки были большими. Жили высланные в бараках, в которых размещалось много семей. В каждом из поселков было по 7–10 бараков. Например, в поселке на острове Жижгин (Приморский район Архангельской области) в 1940–1960-х годах проживало около 1500 человек, которые размещались в 10 жилых бараках [29]. Имущество поселков, постройки, скот и инвентарь находились в собственности государства. Для выплаты возвратных ссуд из зарплаты удерживалось 25 процентов в доход [3: 399]. Постепенно спецпереселенцев стали восстанавливать в гражданских правах. Система спецпоселений существовала до 1954 года, окончательно режим был снят в 1956 году.

Во время интервью дети спецпереселенцев отмечают различное отношение к себе со стороны местных жителей. В некоторых поселках отношение к ним было плохим, уничижительным, местные жители боялись общаться с ними (Верхнетоемский район, Пинежский район), сверстники дразнили «кулаками» и «куркулями» (Холмогорский район), между ними происходили драки.

Ну, че еще рассказать, учились мы здесь. Нас презирали, все время презирали. Там че-то дают вот этим так ученикам, а нам нет, потому что мы были реабилитированные (репрессированные. – Н. Д.). А за что реабилитированные, не знаю (Ж., 1925 г. р.).

И приехали сюда: «Куркули! Куркули!» – нас все время дразнили. А за что мы куркули? Мы-то че понимали? Мы работали с малых юных лет (Ж., 1925 г. р.).

Но вот, я помню, в школе мы учились, учителя к нам относились заметно не так, как к местным. Хотя не обзывали, не оскорбляли, но отношение было такое предвзятое. Я помню, мне и характеристику написали, когда школу закончил, характеристики писали тогда, я щас не знаю, пишут, нет. Дак меня с той характеристикой, что написали, не приняли бы никуда, в учебное заведение, там так написано было, отец, помню, ходил в школу к директору, просил переписать, на колени падал, дак что, говорит, куда он с такой характеристикой (М., 1949 г. р.).

О доброжелательном отношении местных жителей к спецпереселенцам записаны воспоминания их потомков в пос. Кислухе и Сосновке, расположенных на Онежском полуострове Белого моря (Приморский район):

Мы прожили в хорошем месте и среди таких прекрасных людей Севера. Таких людей, как на Севере, нигде нет. Люди Севера, низкий вам поклон от нас, живых и ушедших [30].

Исключением является увековечение памяти о крестьянах, насильно депортированных в Северный край, самими местными жителями. В 2008 и 2010 годах на территории бывших спецпоселков Лопатка и Кега Приморского

района были установлены памятные обелиски. В 2012 году в бывшем пос. Конюхово по инициативе жителя д. Пушлахта Руслана Сакеева силами местных жителей был установлен поклонный крест на месте кладбища спецпереселенцев и часовня на месте поселка [30].

Опрошенные нами старожилы, проживающие в различных районах Архангельской области, отмечают высокий культурный и профессиональный уровень высланных: «Они, раскулаченные люди, народ был умный, грамотный, такой собранный» (Ж., 1936 г. р.). Во время опроса нам приходилось слышать о том, что спецпереселенцы привезли с собой музыкальные инструменты, неизвестные местным жителям, например мандолины, играли на них, были хорошо образованы (М., 1928 г. р.).

Информация о некоторых спецпоселках скрывалась. Приведем конкретный пример. В 2013 году была опубликована статья В. А. Мелехова о топографической экспедиции 1947 года, маршрут которой прошел по труднодоступной территории, прилегающей к реке Кулой, которая протекает в Мезенском и Пинежском районах Архангельской области [12]. В. А. Мелехов сам был ее участником. Экспедиция продолжалась в течение нескольких месяцев. Неожиданно для себя ее участники обнаружили пустой поселок по реке Нырзанге – притоку Кулая, о существовании которого не знали местные жители и который не был нанесен ни на одну из карт⁶.

Многим из наших респондентов – внуков спецпереселенцев была неизвестна история их семьи, что объясняется умалчиванием и табуированием этой темы в советский период, а также социальной стигматизацией, вызванной раскулачиванием. В СССР в семьях не было принято говорить о советской истории, потому что это было опасно, у значительной части людей родственники были репрессированы или сидели, и считалось, что с детьми об этом было лучше не говорить, поэтому потомки спецпереселенцев плохо знают историю своих семей. Одной из причин молчания был страх. Потомки репрессированных опасались осуждения со стороны начальства или преданных властям лиц, задержек в продвижении по месту работы, исключения, увольнения, ареста и др. Людям было трудно говорить об унижении, издевательствах, пытках, насилии, которые пережили члены их семей. Одна из участниц, проецируя на меня свой страх, спросила меня, не боюсь ли я проводить такое исследование. Дети и внуки спецпереселенцев по-разному относятся к раскулачиванию семей своих предков. Это объясняется разнообразием вариантов поведения, вариантов выбора и конкретных обстоятельств жизни. Большинство из них считают, что это было несправедливо, что их предки были трудолюбивыми и умными людьми, сумевшими организовать свою жизнь и добиться

благодаря этому благосостояния своей семьи. Реже приходилось слышать, что раскулачивание было справедливым, так как в семье родителей использовался наемный труд.

Часть из опрошенных нами внуков отстраненно относилась к истории раскулачивания их дедов до моего интервью с ними. Осознание важности этого события в истории семьи иногда происходило в процессе нашего общения. Для них данная информация ранее была неактуальна, что объясняется умалчиванием и табуированием этой темы в советский период, а также социальной стигматизацией, вызванной раскулачиванием. Меньшая часть внуков воспринимает историю раскулачивания и высылки своей семьи как продолжающуюся, они продолжают жить в ней: ищут родовые дома, конфискованные во время раскулачивания, и информацию в архивах,

заказывают картины с изображением родовых домов и деревень. Отношение во многом зависит от уровня образования и воспитания в семье. Практически никто сейчас не является носителем памяти о времени репрессий, будь то личная или коллективная память. В большинстве случаев транслируется то, что сейчас принято называть «пост-память» – то есть не лично пережитое событие и не рассказы очевидцев, а некие тексты, дошедшие до нас уже с определенными умолчаниями и оценками. Некоторые внуки пытаются разобраться в произошедшем и понять его причины. Они приходят 30 октября в День памяти жертв политических репрессий СССР на «Молитву памяти», или «Возвращение имен», которая проводится в этот день во многих городах России, чтобы отдать дань уважения и почтения своим предкам.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ До 1934 года так называли раскулаченных крестьян, высланных в отдаленные регионы СССР, в 1934–1944 годах – трудпоселенцы, с 1944 года – спецпоселенцы.
- ² В Вологде находился пересылочный пункт, где часть мужчин-спецпереселенцев высаживали из поезда, отделяли от семьи и этапом отправляли на лесозаготовительные работы [15: 126].
- ³ Пос. Березник – районный центр Виноградовского района.
- ⁴ Речь идет о бегстве отца рассказчика с места работы, куда он был направлен в возрасте 14 лет заготавливать лес.
- ⁵ Постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933 года.
- ⁶ Как вскоре выяснилось, в 1938 году группа из 12 спецпереселенцев стала готовиться к побегу. У старшего из них была топографическая карта, разработан маршрут движения. В назначенный день зажгли костры, но был сильный ветер, и лес загорелся. О побеге доложили в г. Архангельск и в пос. Пинегу, после чего в поселок приехали несколько групп сотрудников НКВД и три следователя. А в 1939 году поселок был расформирован, так как о нем стало известно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–290.
2. Бердинских В. Н. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
3. Васев В. Н. Двинская земля: шаги времени. Вологда, 2011. 496 с.
4. Дианова Т. Б. Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики / Под. ред. А. А. Ивановой. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 68–74.
5. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибингорска: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.
6. Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесозаготовительной промышленности Северного края в 1930-е гг. // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2015. Вып. 4 (24). С. 93–99.
7. Игнатова Н. М. «Перевоспитать в наикратчайший срок»: школы, клубы и библиотеки в спецпоселках Коми автономной области в 1930-е годы // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2017. Вып. 4 (32). С. 109–115.
8. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 136 с.
9. Коротаев В. И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1998. 189 с.
10. Куратов А. А. Северный край // Поморская энциклопедия: В 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера / Гл. ред. В. Н. Булатов; Сост. А. А. Куратов. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. С. 361.
11. Лобченко Л. Н. Из истории спецпоселков в Северном крае // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 137–156.
12. Мелехов В. А. Трудный маршрут // Север. Мезень. 2013. 25 сент. С. 6; 2013. 1 нояб. С. 8.
13. Митин В. А. Кулойский ИТЛ НКВД (1937–1960) // Поморский летописец. Архангельск, 2002. Вып. 1. С. 165–185.
14. Неклюдов С. Ю. Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1995. С. 77–80.
15. «Обо всем, что совершалось тут»: Воспоминания, материалы о репрессированных жителях Судостроя-Молотовска и о репрессированных родственниках жителей Архангельска и Северодвинска / Сост. Г. В. Шаверина. Архангельск, 2017. 240 с.
16. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг.: В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
17. Разумова И. А. Время в семейном историческом нарративе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm> (дата обращения 10.07.2018).
18. Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 7. С. 14–28.
19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 85–86.

20. Угрюмова Ю. О. Спецпереселенцы Ленского района в 1930–1940 годах в воспоминаниях очевидцев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yarensk.narod.ru/diplom/pSrc.html> (дата обращения 10.09.2018).
21. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. 211 с.
22. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2007. 324 с.
23. Упадышев Н. В. Гулаг на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад: 1929–1960 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009.
24. Упадышев Н. В. Заключенные исправительно-трудовых лагерей в Архангельской области в 1937–1953 гг.: численность и динамика. Архангельск: Солти, 2001. 38 с.
25. Упадышев Н. В. Об использовании принудительного труда лагерных заключенных в развитии транспортной инфраструктуры на востоке Европейского Севера России в 1930–1940-е годы // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 4. Материалы межрегион. научно-практ. конф. (г. Котлас, 26–27 марта 2010) / Отв. ред. С. А. Гладких. Котлас, 2010. С. 117–125.
26. Упадышев Н. В. О современных подходах к изучению истории ГУЛАГА // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 170–172.
27. Упадышев Н. В. Польские спецпереселенцы на Европейском Севере России // Отечественная история. 2007. № 5. С. 154–161.
28. Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // Вестник Поморского университета. 2005. № 2(8). С. 24–25.
29. Харитонов Я. Э. Личные воспоминания о жизни на острове Жижгин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/lichnye-vospominaniya-o-zhizni-na-ostrove-zhizhgin/> (дата обращения 10.09.2018).
30. Харитонов Я. Э. Парк продолжает заполнять страницы истории «Онежского Поморья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/park-prodolzhaet-zapolnyat-stranitsy-istorii-onezhskogo-romotoga/> (дата обращения 10.09.2018).
31. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104.
32. Чистов К. В. Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1988. С. 326–340.
33. Шашков В. Я. К вопросу о выселении спецпереселенцев в Северный край // Отечественная история. 1996. № 1. С. 150–155.
34. Шашков В. Я. «Ликвидированный класс» на защите Родины // Военно-исторический журнал. 2001. № 4. С. 42–47.
35. Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930–1954 гг. Мурманск: Изд-во МГПИ, 1996. 279 с.
36. Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: Изд-во МГПИ, 2000. 343 с.
37. Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Изд-во МГПИ, 1993. 142 с.
38. Against their Will: the History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest; New York, 2004. 425 p.
39. Lynne V. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person // Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography. New York, 2011. P. 87–99.
40. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2007. 278 p.
41. Memories of the Dispossessed: Descendants of Kulak Families Tell Their Stories. (O. Litvinenko, J. Riordan, Eds.). Nottingham, UK: Bramcote Press, 1998. 110 p.
42. Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Cornell University Press, 2015. 440 p.
43. Sheila Fitzpatrick. Tear Off the Masks! Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 352 p.
44. Snyder T., Brandon R. Stalin and Europe: Imitation and Domination, 1928–1953. Oxford University Press, 2014. 352 p.

Drannikova N. V., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

“WE WERE CARRIED IN THE CATTLE-BOXES FOR A MONTH”: MEMORIES OF THE SPECIAL SETTLERS’ DESCENDANTS IN THE NARRATIVE TRADITION OF ARKHANGELSK CITIZENS*

The article is based on the oral memories of the descendants of special settlers – dispossessed peasants, who were expelled to the Arkhangelsk region, formerly part of the Northern Region, at the beginning of the 1930s. A historiographic review is made on the research topic, the concepts of dispossession in the USSR and the fate of the dispossessed peasants are considered in the regional context. The stories of the descendants of the special settlers analyzed in the article are semi-structured interviews, a type of individual in-depth interviews, during which we sought to discuss with the respondents a specific list of topics and aspects relating to dekulakization of their families, the expulsion and life in exile. These stories form hypertext, which includes a system of multi-genre verbal texts. We distinguish the stable motifs of oral stories recorded from the descendants of the special settlers. The article discusses the features of the family identity and the role of knowing about the fate of the relatives in this identity. The children and grandchildren of the special settlers have different attitudes towards the dispossession of their ancestors’ family. This is due to the diversity of behaviors, choices and specific life circumstances. The interpretation is based on the idea of the variability of the process of special migrations, and its dependence on the local contexts and the method of family history.

Key words: special settlers, descendants, narrative tradition, Arkhangelsk region, historiography, review, oral stories, analysis, motifs

* The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research grant “The population of the Kola Peninsula between two world wars: migration, mobility, identity” (project No 18-09-00392).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, 1979. P. 237–290. (In Russ.)
2. Berdinskich V. N. The special settlers: The political exile of the peoples of Soviet Russia. Moscow, 2005. 768 p. (In Russ.)
3. Vasev V. N. Dvina land: the steps of time. Vologda, 2011. 496 p. (In Russ.)

4. Dianova T. B. Hypertext entities in the lively folklore tradition. *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki*. Moscow, 2002. P. 68–74. (In Russ.)
5. Zmeyeva O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibinogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 7–14. (In Russ.)
6. Ignatova N. M. The use of labor of the special settlers – “former kulaks” in the logging industry of the Northern Region in the 1930s. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN*. 2015. No 4 (24). P. 93–99. (In Russ.)
7. Ignatova N. M. “Re-educate in the shortest possible time”: schools, clubs and libraries in the special settlements of the Komi Autonomous Region in the 1930s. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN*. 2017. No 4 (32). P. 109–115. (In Russ.)
8. Korotayev V. I. On the threshold of a demographic catastrophe: forced colonization and the demographic crisis in the Northern Region in the 1930s. Arkhangelsk, 2004. 136 p. (In Russ.)
9. Korotayev V. I. Russian North in the late XIX and the first third of the XX centuries. Problems of modernization and social ecology. Arkhangelsk, 1998. 189 p. (In Russ.)
10. Kuratov A. A. Northern Region. *Pomorskaya entsiklopediya*. Vol. 1: The history of the Arkhangelsk North. Arkhangelsk, 2001. P. 361. (In Russ.)
11. Lobchenko L. N. From the history of special settlements in the Northern Region. *Vestnik arkhivista*. 2006. Issue 4–5. P. 137–156. (In Russ.)
12. Melekhov V. A. Difficult route. *Sever. Mezen'*. 2013. 25 Sept. P. 6; 2013. 1 Nov. P. 8. (In Russ.)
13. Mitin V. A. NKVD Kuloy Labour Camp (1937–1960). *Pomorskiy letopisets*. Arkhangelsk, 2002. Issue 1. P. 165–185. (In Russ.)
14. Neklyudov S. Yu. Stereotypes of reality and narrative cliches. *Speech and Mental Stereotypes in Synchrony and Diachrony: Proc. Conf.* Moscow, 1995. P. 77–80. (In Russ.)
15. “About everything that happened here”. Memories, materials about the repressed residents of Sudostroy – Molotovsk and about the repressed relatives of the residents of Arkhangelsk and Severodvinsk. Arkhangelsk, 2017. 240 p. (In Russ.)
16. Poliburo and the peasantry: Expulsion, special settlements. 1930–1940. Book 1. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.)
17. Razumova I. A. Time in the family historical narrative. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)
18. Razumova I. A. Family factor in the integration of the historical community of special settlers. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 2018. No 7. P. 14–28. (In Russ.)
19. The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and Materials. Vol. 2: November 1929 – December 1930. Moscow, 2000. P. 85–86. (In Russ.)
20. Ugryumova Yu. O. Special settlers of the Lensky district in the 1930s and the 1940s in the memories of the eyewitnesses. Available at: <http://www.yarensk.narod.ru/diplom/pSrc.html> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
21. Upadyshev N. V. GULAG in the Arkhangelsk North: 1919–1953. Arkhangelsk, 2004. 211 p. (In Russ.)
22. Upadyshev N. V. GULAG in the European North of Russia: genesis, evolution, and decay. Arkhangelsk, 2007. 324 p. (In Russ.)
23. Upadyshev N. V. GULAG in the European North of Russia: genesis, evolution, and decay: 1929–1960: Diss. Doct. Sci. (Philology). Arkhangelsk, 2009. (In Russ.)
24. Upadyshev N. V. Prisoners of the labor camps in the Arkhangelsk region in 1937–1953: numbers and dynamics. Arkhangelsk, 2001. 38 p. (In Russ.)
25. Upadyshev N. V. Using forced labor camp prisoners in the development of transport infrastructure in the East of the European North of Russia in the 1930s and the 1940s. *Problems of the development of transport infrastructure of the European North of Russia: Proc. Int. Scientific-Practical Conf.* Kotlas, 2010. P. 117–125. (In Russ.)
26. Upadyshev N. V. Modern approaches to the study of the history of GULAG. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2012. No 2. P. 170–172. (In Russ.)
27. Upadyshev N. V. Polish special settlers in the European North of Russia. *Otechestvennaya istoriya*. 2007. No 5. P. 154–161. (In Russ.)
28. Upadyshev N. V. Special settlers in the Northern Region: a conceptual vision of the problem. *Vestnik Pomorskogo universiteta*. 2005. Issue 2 (8). P. 24–25. (In Russ.)
29. Kharitonova Ya. E. Personal memories of life on the Island of Zhizhgin. Available at: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/lichnye-vospominaniya-o-zhizni-na-ostrove-zhizhgin/> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
30. Kharitonova Ya. E. The Park continues to fill the pages of the history of the history of Onega Pomorye. Available at: <http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/park-prodolzhaet-zapolnyat-stranitsy-istorii-onezhskogo-pomor'ya/> (accessed 10.09.2018). (In Russ.)
31. Khatanzeyskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of the Northern Region in 1929–1936. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2016. No 3. P. 93–104. (In Russ.)
32. Chistov K. V. Oral speech and problems of folklore. *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov*. Moscow, 1988. P. 326–340. (In Russ.)
33. Shashkov V. Ya. The issue of the deportation of the special settlers to the Northern Region. *Otechestvennaya istoriya*. 1996. Issue 1. P. 150–155. (In Russ.)
34. Shashkov V. Ya. “Liquidated class” in defense of its motherland. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2001. No 4. P. 42–47. (In Russ.)
35. Shashkov V. Ya. Dekulakization in the USSR and the fate of the special settlers of 1930–1954. Murmansk, 1996. 279 p. (In Russ.)
36. Shashkov V. Ya. Repressions against the peasants in the USSR and the fate of the special settlers of the Karelo-Murmansk region. Murmansk, 2000. 343 p. (In Russ.)
37. Shashkov V. Ya. Special settlers on Murman. The role of the special settlers in the development of productive forces on the Kola Peninsula (1930–1936). Murmansk, 1993. 142 p. (In Russ.)
38. Against their Will: the History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Budapest, New York, 2004. 425 p.
39. Lynne V. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person. *Writing the Stalin Era. Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*. New York, 2011. P. 87–99.
40. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2007. 278 p.
41. Memories of the Dispossessed: Descendants of Kulak Families Tell Their Stories. (O. Litvinenko, J. Riordan, Eds.). Nottingham, UK, Bramcote Press, 1998. 110 p.
42. Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Cornell University Press, 2015. 440 p.
43. Sheila Fitzpatrick. Tear Off the Masks! Princeton, NJ, Princeton University Press, 2005. 352 p.
44. Snyder T., Brandon R. Stalin and Europe: Imitation and Domination, 1928–1953. Oxford University Press, 2014. 352 p.

Поступила в редакцию 26.11.2018